

Ю.Ю. Тырышкина

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ИРМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ*

Прежде чем начать исследование непосредственно ирменской погребальной обрядности, мы считаем целесообразным обратиться к самому определению понятий «погребальный обряд» и «поминальный обряд».

Погребальный обряд – это совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-мифологическую нагрузку, с целью погребения умершего (Ольховский, 1995, с. 88). Причем практическая сфера обряда является формой, а идеологическая – его содержанием (Ольховский, 1986, с. 67).

Поминальный обряд – совокупность реальных и символических действий, совершаемых в соответствии с определенными представлениями и нормами в процессе захоронения и в течение определенного времени после него с мемориальной целью (Ольховский, 1986, с. 68).

Погребальный обряд принадлежит к явлениям исключительно традиционным, а, следовательно, как и всякая традиция, существующая в рамках системы общественных отношений, постоянно изменяется. Динамика трансформации может зависеть от разных причин и иметь различный характер (Митько, 1994, с. 208).

Первая сводка по ирменскому погребальному обряду в Алтайском Приобье была представлена А.Б. Шамшиным в 1992 году. Тогда им было учтено свыше 140 ирменских погребений (Шамшин, 1992). Следующий количественный анализ ирменских захоронений был сделан О.А. Цивциной в 2000 году, в него также были включены памятники, исследовавшиеся в 90-е годы. Это такие могильники как Плотинная V (Бородаев, Рудометов, 1991), Ближние Елбаны IX (Абдулганеев, Кирюшин, Лузин, Шамшин, 1996), Телеутский Взвоз I (Казаков, Шамшин, Ведянин, 1995; Папин, Тишкин, 1998), Фирсово XIV (Шамшин, 1993; Шамшин, 1997), Мельничихин Лог I (Фролов, Папин, 1998). Всего ей было зафиксировано 184 ирменских могилы (Цивцина, 2000). За последующие годы были открыты и исследованы новые памятники, которые содержали ирменские захоронения. Это – разновременный Могильник-V археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I (МГК I/V) (Кунгуров, Папин, 2001а; Кунгуров, Папин, 2001б), было продолжено исследование памятника Телеутский Взвоз I, где также обнаружены новые ирменские захоронения (Папин, Грушин, 2004). В итоге нами было учтено 196 ирменских могил.

Одной из особенностей ирменских памятников Барнаульского Приобья, отличающей их от других территорий распространения культуры, является наличие здесь двух типов погребальных сооружений – грунтовых и курганных могильников. И тех и других отмечается примерно равное количество, из зафиксированных нами погребений 106 курганных и 90 грунтовых могил (таблица).

В нескольких курганных могильниках отмечено расположение курганов цепочками. Под насыпью обычно находилась одна могила по центру, либо с отклонениями к югу. В некоторых курганах погребения расположены в один ряд (Телеутский Взвоз I, курган №16; Новотроицк I, курган №24). Рассмотрение планиграфии грунтовых могильников позволило в определенных случаях проследить наличие рядов могил обычно по линии ЮЗ–СВ, а в могильнике МГК I/V погребения 6–8, 10, 11 образуют ряд вытянутый по оси СЗ–ЮВ.

Диаметр курганов варьируется от 7 до 15 метров, высота насыпей от 0,2 до 0,7 метра, исключение составляет лишь один курган из могильника Камышенка (№31), так называемый «большой курган» (Членова, 1974), его размеры 27х26 метров, высота 1,7 метра. Наименьшая высота насыпей зафиксирована на могильнике Телеутский Взвоз I, где она колеблется от 0,05 до 0,1 метра. В Суртайке один из курганов был сложен из каменных плит (курган №33). Подобные каменные курганы имеют аналогии в памятниках Минусинской котловины и Тувы.

Размер захоронений курганных и грунтовых могильников отличался незначительно, в среднем он составляет 2х1,4 метра для могил взрослых и примерно 1х0,6 метра для детских.

В значительной части погребений отмечено наличие внутримогильной конструкции (обкладки): четыре в Камышенке, по две в Телеутском Взвозе I, Плотинной V и БЕ IX. В Новотроицке I все без исключения захоронения имели деревянную обкладку (17 случаев). Большое количество могил с обкладкой зафиксировано в Плотинной I – 17 случаев, в семи случаях поверх обкладки находились перекрытия: в могилах 20, 22, 23, 27 из бревен или горбылей; а могилы 24, 25, 38, вероятно, были перекрыты войлоком или шкурами, погребение 49 перекрыто камнями. Кроме того, в предгорном Алтае в могильнике Суртайка, было исследовано одно захоронение в каменном ящике. Такие могильные сооружения не характерны для ирменской культуры, встречаются лишь в периферийных районах. Захоронения с каменными ящиками отмечены в ирменских могильниках Кузнецкой котловины (Пьяново, Иваново-Родионово, Тарасово, Титово, Журавлево IV), где они составляют лишь небольшой процент (1,8%) (Ковалевский, 2004). Следует отметить, что погребения с такими сооружениями

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №07-01-00527а.

делались женщинам либо детям. На Алтае в могиле с каменным ящиком также был похоронен ребенок.

Глубина могил как грунтовых, так и курганных могильников сравнительно небольшая – от 0,3 до 0,9 метра. На этом фоне выделяются два памятника – БЕ IV и БЕ IX, здесь зафиксирована достаточно большая глубина погребений от 0,95 до 1,45 метра.

Захоронения, как правило, одиночные, но имеются также парные: четыре в Камышенке, одно в Новотроицке I, два в Плотинной I и кроме того коллективные погребения, единично встреченные в Камышенке (курган 16), Плотинной I (могила 26), Староалейке II (могила 67), Мельничихином Логе I (могила 1) и БЕ IV (могила 9).

Использование огня в погребальной практике ирменского населения встречается сравнительно часто на соседних территориях. В Барабе в ирменских погребениях зафиксирована одна кремация и в нескольких могилах следы огня, В.И. Матюшенко на ирменском могильнике Еловка-II отметил восемнадцать случаев использования огня, в ирменских погребениях Кузнецкой котловины на памятниках Журавлево-IV и Сапогово огонь также занимал значительное место в погребальной традиции, в Новосибирском Приобье трупосожжение и следы огня встречены в Милованово-I (Кунгуров, Папин, 2001). А на ирменских памятниках Барнаульского Приобья среди многочисленных погребений по обряду ингумации, кремации составляют лишь небольшой процент. На базовых могильниках данной территории, таких как Плотинная I и Камышенка, следы огня встречаются только в пяти случаях на первом и лишь единожды на втором памятнике. Также следы огня присутствуют на БЕ-IV – в двух случаях. Полная кремация еще более редкое явление в погребальной практике ирменского населения Барнаульского Приобья. Трупосожжение зафиксировано на могильниках Новотроицк I (Уманский, 1997, с. 14), Телеутский Взвоз I и Малый Гоньбинский Кордон-I (МГК-I). Интересным является то, что все кремации, отмеченные на территории Барнаульского Приобья, скорее всего, совершены на стороне, так как провал под погребенным либо был незначительным, либо вообще отсутствовал. Исследователи отмечают, что ирменцы разводили костер рядом с могилой, а потом угли и золу сдвигали в нее. Также фиксируется и другой способ использования огня ирменским населением, когда костер разводили прямо на могильном перекрытии. Эти обрядовые действия характерны и для ирменцев Барнаульского Приобья. По мнению С.А. Ковалевского, происхождение обряда кремации на стороне с дальнейшим перенесением кремированных костей в захоронение на территории Западной Сибири, возможно, следует связывать с традициями андроновской культуры (Ковалевский, 2004).

Чаще всего, положение погребенных как в курганных, так и в грунтовых могильниках, скорчено на правом боку. Известно лишь одно захоронение на левом боку в могильнике Фирсово XIV, могила 55 и несколько погребений лежа на спине (Плотинная I, могила 26, 20). Костяк в могиле обычно расположен головой в юго-западный сектор. Исключение составляет лишь захоронение из могильника Суртайка (курган №14) – покойник уложен скорчено на правом боку головой на запад.

В некрополях нередко встречаются погребения, в которых отсутствуют некоторые элементы скелета, либо кости расположены не в анатомическом порядке, хотя и на одном уровне, аналогичные случаи известны в ирменских могильниках Присалаирья. По мнению Е.А. Сидорова, такие захоронения, вероятнее всего, были не ограблены, а на протяжении определенного времени находились открытыми в домике из дерна (Сидоров, 1983).

Преобладающая ориентировка захоронений по линии ЮЗ–СВ. В четырех случаях в Камышенке отмечена ориентировка СЗ–ЮВ; в трех СВ–ЮЗ (по одному в Камышенке, Телеутском Взвозе I и Новотроицке I); в шести С–Ю: (пять в Новотроицке I и один в МГК I/V). Также встречается ориентировка по оси ЮВ – СЗ (по одному погребению в Новотроицке I, БЕ IV и Староалейке II). Три могилы Камышенки ориентированы по линии З–В; одно захоронение в БЕ IX – ЮЗ–В.

В большинстве погребений инвентарь представлен керамикой и изделиями из бронзы, либо он вообще отсутствует. Большая часть могил содержит по одному сосуду, в 16 случаях отмечено по два горшка, из них семь случаев в Камышенке, три в Плотинной I, два в БЕ IX и по одному зафиксировано в Змеевке, Новотроицке I, Кытманово I и Староалейке II. Могилы с тремя горшками обнаружены в Камышенке – пять случаев, в БЕ IX – три и по одному в Плотинной I и БЕ IV. Единожды в могилах было найдено четыре (БЕ IV, могила 9) и восемь сосудов (Камышенка, курган №16). В одном случае было зафиксировано расположение горшка вверх дном (Плотинная I, могила 26).

Помимо сосудов в погребениях также обнаружены бронзовые ножи. А наиболее распространенной и разнообразной категорией инвентаря в могилах являются украшения как типично ирменские (например, гвоздевидные серьги), так и импортные. Основная масса украшений изготовлена из бронзы, но известны также ювелирные изделия из драгоценных металлов (золотые и серебряные пронизки, золотое кольцо и серебряные серьги из Камышенки) и полудрагоценных камней (нефритовая подвеска, лазуритовые бусы и др.). Зеркало, обнаруженное в Камышенке, не имеет аналогий в Сибири. Также в этом могильнике найдено шесть из семи известных в Алтайском Приобье диадем. Седьмая зафиксирована в БЕ IX.

Всего на территории Алтайского Приобья было исследовано 196 ирменских захоронений в 15 могильниках (Камышенка, Новотроицк I, Телеутский Взвоз I, БЕ IX, Суртайка, Змеевка, Плотинная I, Фирсово XIV, БЕ IV, МГК I/V, Староалейка II, Плотинная V, Мельничихин Лог I, Кытманово I, Фирсово I). Погребения различаются по погребальным конструкциям, количеству похороненных в могиле, способу

захоронения, позы и ориентации погребенных, снабжению сопроводительным инвентарем.

Наиболее типичными являются одиночные захоронения, погребения совершены по обряду ингумации в скорченном положении на правом боку головой на юг или юго-запад. Могилы ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Чаще всего захоронения снабжены керамикой и изделиями из бронзы.

Таблица

Количественный анализ ирменских погребений Барнаульского Приобья

№	Могильник	Количество ирменских захоронений
Курганные погребения		
1	Камышенка	68
2	Новотроицк	15
3	Ближние Елбаны IX	6
4	Суртайка	6
5	Телеутский Взвоз I	10
6	Змеевка	1
Всего 106		

Грунтовые захоронения		
7	Плотинная I	52
8	Ближние Елбаны IV	9
9	Фирсово XIV	13
10	Староалейка II	3
11	Плотинная V	2
12	Кытманово I	1
13	Фирсово I	1
14	Мельничихин Лог I	2
15	Могильник V комплекса МГК-I	7
Всего 90		
Общее количество захоронений 196		

Литература

Абдулганеев М.Т., Кириюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильник развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул, 1996. С. 11–20.

Бородаев В.Б., Рудометов П.Л. Некоторые итоги обследования памятников обского правобережья в Каменском районе // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 30–33.

Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д. Курганный могильник Телеутский Взвоз I // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 78–83.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово, 2004. 115 с.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2001а. Вып. 3. С. 79–85.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса МГК-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001б. С. 56–68.

Митько О.А. Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово, 1994. С. 207–226.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. №1. С. 55–76.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социальные реконструкции // РА. 1995. №2. С. 85–99.

Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз I // Аридная зона юга Западной Сибири. Барнаул, 2004. С. 93–103.

Сидоров Е.А. Некоторые самодийские параллели в ирменском погребальном обряде // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 17–19.

Уманский А.П. Новотроицкие курганы // Нижнее Причумышье (очерки истории и культуры). Тальменка, 1997. С. 14–25.

Фролов Я.В., Папин Д.В. Коллективное погребение ирменской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 102–105.

Цивцина О.А. Погребальный обряд ирменского населения Барнаульского Приобья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Том I. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000. С. 161–162.

Членова Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на северном Алтае // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 112–119.

Шамшин А.Б. Погребальный обряд населения Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Часть II. Омск, 1992. С. 103–105.

Шамшин А.Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное алтайское Приобье) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 120–123.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН, дек. 1997). Новосибирск, 1997. Т. 3. С. 326–331.